

Лучистая и вечная девочка

В Харькове за громадой Госпрома в конце 20-х — начале 30-х годов вырос целый городок. Сразу за этим стеклянно-железобетонным зданием — проспект "Правды", вторым порядком — улица Восьмого съезда Советов, далее — Четырнадцатого... Огромные многоквартирные дома, и у каждого — свое имя: Дом специалистов, Красный промышленник, Военвед, Табачник, Профработник... И даже "Пять — за три!" (то есть: "Пятилетку — за три года"). Вот на такой-то урбанистической советской "клумбе" и суждено было вырасти и расцвести нежному, тонкому и яркому цветку с именем контрастным, как оксюморон: Рената Муха.

Я жил в "Красном промышленнике", где помещалась ее 116-я женская школа, занимавшая весь цокольный этаж корпуса, и по дороге в свою, 131-ю мужскую, часто Рену встречал. Потому что их Дом учителей стоял на упомянутой улице Восьмого съезда Советов рядом с нашей школой. Было невозможно не обратить внимание на эту миниатюрную девчушку в темно-синем пальтеце с воротником из серенькой смушки и в такой же шапочке, из-под которой с отважным и веселым любопытством смотрели на мир и на прохожих огромные лучистые черные очи. Кто-то рассказал, что учится она в классе, на год младше моего... А еще через какое-то время мы познакомились в драмкружке, работавшем у нас в школе. Пьеса ("Юность отцов" Бориса Горбатова), которую репетировали, обошла, должно быть, половину школьных драмкружков первых послевоенных лет. Рена играла в ней главную роль: интеллигентной барышни Наташи Логиновой — дочери врача, ушедшей из своей старомодной семьи в революцию и комсомол. У "артистки" оказался (неожиданно для ее довольно хрупкой субтильной комплекции) звучный грудной голосок. В нашем самодельном театрике она, несомненно, стала бы примадонной, но мы, кажется, даже не довели нашу постановку до премьеры... Впрочем, общаться не перестали: вскоре оба вошли в состав маленькой компании старшеклассников, которая состояла, в основном, из нескольких девочек ее школы и мальчиков — нашей.

Нам было по 16-17 лет, а Рене и вовсе 15. Ясное дело, возникли пары

и треугольники. Она уже тогда (даром что на вид совсем девчонка) была в центре внимания, в нее одновременно были влюблены ребята из нашей и "не нашей" компании. Никогда не мог понять, что за таинственный магнит скрыт в этой малышке: казалось бы, и сутулится, и худышка, и чертами лица далека от "идеала", а глянул — и глаз не оторвешь! Весела, остра на язычок, а вместе с тем, дружелюбна! Мы знали, что еще с прошлого года увивается за нею Лева Р. Он чуть не с детства увлекся радиолобительством, держал связь в эфире с "коллегами" и Рену азбуке Морзе научил. Мы много фотографировались, и я попросил Муху: "Подпиши мне на память свою фотокарточку!". Схватив со стола карандашик, — быстро проставила на обороте снимка цепочку точек и тире. Пришлось мне раздобыть табличку, при помощи которой с энтузиазмом принялся за расшифровку. Читаю итог: "Ты — сволочь". Вот тебе и на! Хороши шуточки... Но обидеться на озорницу мне и в голову не пришло...

Однажды вдруг спрашивает у меня: "Феля, что такое бардак?". Я растерялся: в то время это слово еще воспринималось как непристойность, его основное значение (бордель, притон) считалось главным, а переносное (беспорядок, кавардак) звучало редко. Но, помню, ответил на вопрос добросовестно.

В течение нескольких лет нашего позднего детства и юности целая вереница моих друзей и знакомых пылала к ней нежным чувством: Толя Н., Леня С., Алик Р., Виташа П. Наверняка было и много других, но она, кажется, никому не отдала предпочтение. Очень к ней расположенный, я, тем не менее, в нее не влюбился — и даже продекларировал это в одном из двух написанных тогда "Посланий Мухе", где были такие строки:

Ни я в тебе души не чаю,
ни ты в меня не влюблена...

А вот — из "Второго послания":

Мой друг влюблен, а я — чужак:
влюбляться разучился...

"Разучился влюбляться" — в 16 лет! "Далекие, славные были!" (С. Есенин).

Когда мы однажды, будучи уже взрослыми, элегически вспоминали юность, и я сказал, что не был в нее влюблен, — она шумно возмутилась таким заявлением — и демонстративно в него не поверила!

Сейчас, когда ее не стало, впервые подумал, что права была она: я, должно быть, в самом деле любил ее всю жизнь чистой, нежной, безнадежной, ни на что не претендующей дружеской любовью.

В 1995 году, примерно через полгода после кончины в Харькове Бориса Чичибабина, мы в итоге долгой разлуки встретились с нею в Иерусалиме на вечере его памяти. В своем выступлении Рената рассказала, как впервые познакомилась со стихами этого поэта: он в то время "тянул срок" в Вятлаге... "А стихи его мне читал Феликс Рахлин", — вспоминала она. И тут же (более чем через полвека!) прочла наизусть грудным своим нежным голосом ранние стихи его, запомнившиеся ей с моих слов:

Ну, Расскажи, ну, каково тебе,
Что с камнем шепчется капель?
Не о тебе ль вздыхает оттепель,
И дождь шумит — не о тебе ль?
Ну каково тебе, что в лепете
Тумана, влаги и тепла
Сугробы плещутся, как лебеди,
И в ночь оттаивает мгла?

(и т. д.)...

Конечно же, и я помню, как читал ей и эти стихи, написанные им до ареста, и новые, привозимые сестрой моей Марленой со свиданий с ним из лагеря... Мы гуляли с Реной вдоль по улице, на которой она тогда жила, где стояла и стоит наша 131-я школа, и где жили его мать и усыновивший пасынка отчим, к которым Борис вернется из лагеря еще через долгие два с половиной года, — но, конечно, не предвидели, что лет через пятнадцать она с ним подружится. А он в нее пламенно, хотя и ненадолго, влюбится! (Я и сейчас полагаю, что "черная пчелка печали" — это о ней...) Но с еще меньшей вероятностью могло взбрести нам обоим в головы, что эта улица будет носить имя автора тех стихов — поэта Бориса Чичибабина!

Сама Рена стихов долго не писала. Может, и были какие-то пробы пера, но ничего заметного не припоминаю. Вопреки пушкинскому утверждению, будто "лета шалунью рифму гонят", она всерьез (но и в шутку, да какую блистательную! Одну блистательнее другой!) начала "рифмовать", каламбурить, сверкать изысканными и неожиданными, непревзойденными по меткости метафорами уже в свои зрелые годы, — по-моему, не ранее чем на четвертом десятке лет. Минимум два фактора определили такую нестандартную творческую судьбу: во-первых, постепенное знакомство с литературным богатством прошлого и настоящего и со многими его творцами или "пропагандистами".

Не забудем, что среди школьных ее учителей были и такие, как Александр Ильич Мосенжник, перед тем преподававший русскую литературу

в одном из педагогических вузов Украины, но попавший там под дикую расправу как "безродный космополит"... Его гонители и не предполагали, что, выкурив его из школы высшей, они тем самым буквально осчастливят целые поколения юных харьковчан, невольно обеспечив их чудесным наставником, умным, знающим и темпераментным. Огромное влияние имела на учениц работавшая в той же школе Катерина Михайловна Доценко (в девичестве Губенко) — родная сестра великого украинского сатирика Остапа Вишни. Слушать речь Катерины Михайловны (и не только на ее уроках украинской литературы!) было истинным удовольствием: "вишневі усмішки" народного и, безусловно, фамильного юмора так и сыпались из ее уст...

Что же касается Реночкиных друзей, то не забудем, что наряду с Чичибабиным среди них были и супруги Воронель (оба — "физики и лирики"!), и Юлий Даниэль (в одном из своих "Писем из заключения" он сообщил, что она первая приснилась ему после ареста! В другом — с восторгом отозвался о доставленной ему в мордовский "Дубравлаг" написанной совместно Ренатой Мухой и Нелей (Ниной) Воронель книжке "детских" стихов "Переполах"... Но, на мой взгляд, особенно ощутимо Рена была обязана своим вхождением в литературу еще одному другу — великоллепному поэту, педагогу и психологу... Тут сработала своего рода "цепная реакция". В начале 60-х в Харькове с шумом прошли встречи с Евгением Евтушенко. Они произвели неизгладимое впечатление на молоденького инженера Вадима Левина. Он вдруг тоже стал сочинять стихи, а потом, уже будучи женатым, имея дочь, — очертя голову бросил свою инженерию и весь отдался поэтическому творчеству. Дальше — больше: Левин стал "детским" поэтом, издал ряд интересных книг, увлекся психологией творчества, возглавил в городском Дворце пионеров детский литературный клуб... Не знаю точно, когда он познакомился с Мухой, но у меня впечатление, что Вадим с его одержимостью дал развитию ее творческой активности некий "перволочок". Тут главное, однако, в том, что он не только не пренебрег теми первыми опытами, которыми она с ним поделилась, но — щедрая и поделчивая душа! — искренне и горячо их поддержал. Как раз тогда, помню, Реночка и мне (почему-то со смущенной улыбкой, как бы немного стесняясь) прочла один из первых своих опытов — кажется, "Ужа ужалила оса...". Конечно, мне стихи понравились, но то, что на моих глазах родился новый незаурядный поэт, мне и в голову не пришло. А Левин это понял! И, как хорошо известно из ее же рассказов, помог своими советами, "шефством", соавторством, верой в ее талант.

Цепочка "Евг. Евтушенко — В. Левин — Р. Муха" — налицо, как бы далеко первое ее звено ни отстояло от последнего!

Мой перечень Мухиных литопекунов наверняка не полон — завершу его именем ее многолетнего коллеги по университету — доцента Ефима Бейдера, о котором сама Рената как-то раз подробно рассказала в передаче "Семь сорок" израильского ТВ, веселя зал и многотысячную аудиторию пересказом его искрометного "одесского" юмора. Да ведь она и сама одесситка: по рождению и первым восьми годам жизни, затем — по частым наездам в родной город к бабушке Фейге, маминой маме, но главное — по особому складу души. Фима, с отличием окончив в Одессе техникум политехпросветработы, в 1949-м приехал в Харьков, чтобы продолжить образование в библиотечном институте. Как вдруг в здешнем госуниверситете был открыт факультет иностранных языков, и он, забрав документы из библиотечного, поступил на английское отделение. Через год студенткой стала Рената, они познакомились, а в перспективе оказались сотрудниками, преподавая на том же факультете... Помимо близких интересов в сфере английской филологии, их, возможно, объединил еще и специфически одесский склад натуры... Они, однако, не только пересмешничали: насколько я знаю, Реночкина методика "сказочного английского" в какой-то мере апробировалась в ходе консультаций с Фимой как с коллегой. Это имеет прямое отношение и к ее литературному творчеству, так как в названной методике использовались и придуманные обоими преподавателями "сказочные" англо-русские тексты!

Хотя стихи Ренаты с такими безобидными героями, как Уж и Еж, Оса, Таракан, Крокодил, Осьминог и другие, как будто не должны были подпасть под подозрение, однако это случилось, как мы знаем из ее потешного рассказа Владимиру Бейдеру — ведущему израильской телепередачи "Персона". Я понял так, что ее собеседник из КГБ Критерий Александрович (!) выискивал у нее крамолу в связи с тем, что она была знакома с Ю. Даниэлем. Мне, однако, памятен другой повод недовольства чекистов Мухой: как человек, (нечастое дело в СССР!) в совершенстве владеющий английским, она имела неосторожность пообщаться с интуристами! Но теперь ясно, что, по меньшей мере, одно стихотворение Мухи могло быть оценено, по критериям Критерия, как явно "антисоветское": это "Стихи о плохой погоде", где в первой части человек, идущий по городу, ест бутерброд без сыра, во второй — без масла, а в третьей — уже и без хлеба! Это потом Сергей Никитин положит их на музыку... А мы, Реночкины друзья, услышали эту "сагу" в ее речитативном чтении как раз в один из

очередных приступов отечественной перманентной бесхлебицы... Хорошо, что ко времени рождения таких стихов "Критерии" стали утрачивать былое могущество!

Когда-то, после сдачи ею экзаменов на аттестат зрелости (1950), Реночка со смехом рассказала мне о том, что свой ответ по русской литературе на теоретический вопрос о приеме аллитерации проиллюстрировала строчками... моего к ней "Послания":

— ...В овраге около ограды
Трамваи дряхлые ползут, —

цитировала она, тщательно нажимая на "р" и звонкой дробью рассыпая вокруг свой мелодичный хохот.

— Вот так, Феля, ты на меня поработал!

Прошло множество лет, и этот же эпизод она поведала у нас в Афуле на встрече с читателями, организованной местным литературно-творческим клубом-студией, куда прибыла из Беэр-Шевы вместе с Феликсом Кривиным. И тут же причислила и меня к "лику" своих литературных учителей! Гипербола, но... приятная!

Выше обещано было назвать наряду с творческим окружением еще один фактор, способствовавший рождению в современной литературе феномена "творчество Ренаты Мухи": это поразительная ее способность впитывать в себя впечатления жизни, уроки учителей и опыт коллег, многое помнить годами и десятилетиями, волшебным образом переработать в умной и чуткой своей головке — и сторицей вернуть читателям: взрослым и маленьким.

Беэр-Шева для Афулы, по израильским меркам, не ближний свет, и обоим гостям (впрочем, как и было заранее предусмотрено) был приготовлен ночлег: Феликсу Давидовичу — в нашей квартире, Реночке — в квартире через улицу: у сына и невестки. Там и состоялся тот скромный ужин, который до сих пор мы вспоминаем как едва ли не лучшие час-полтора за все годы жизни в Израиле: сидеть в застолье с участием двух таких остроумцев и рассказчиков, как Ф. Кривин и Р. Муха, — удача из редчайших! Реночку неожиданно порадовала наша младшая, уже здесь, в Израи-

ле, родившаяся внучка Тали: семилетняя сабра, как оказалось (это и для меня стало сюрпризом), знает наизусть несколько стихотворений поэтессы, что тут же и продемонстрировала на хорошем русском.

В Афуле живет дядя Ренаты Лев Гительзон — подполковник Советской Армии в отставке, юным лейтенантом встретивший на западной границе СССР нападение германских войск, тяжело раненный где-то в середине той войны, но потом долгие годы еще остававшийся на военной службе. Лишь недавно по состоянию здоровья и немалым годам перестал он возглавлять афульский совет участников второй мировой. Не помню, был ли он на той встрече в клубе...

Но вернемся назад, в Харьков конца 40-х. В те школьные годы Рена жила вместе с мамой Александрой Соломоновной Шехтман (двоюродной сестрой Льва Гительзона; они и родом из одних и тех же мест под Одессой — это в довоенные времена поселения немцев-колонистов: Найдорф, Александергильф — ныне, кажется, Виноградное). Теперь Рена с мамой ютились в тесноватой комнате коммунальной квартиры, и мы, мальчики из соседней школы, часто сюда заходили в гости. Мама, доцент института иностранных языков, преподававшая там немецкий, была приветлива, держалась просто. Красивая женщина, она, сверх всего, обладала чувством мягкого юмора, что, должно быть, передалось и дочери...

Время от времени, как правило, по выходным, школьница Рена шла пешком через сад Шевченко и по Сумской к папе Григорию Мухе, который жил с новой семьей в старом центре города, в так называемом Дворце труда. Мне не раз доводилось ее сопровождать, и нетрудно было почувствовать, что идет она без охоты, что ей там не слишком уютно, что если б мама не настаивала... О ее отце я ничего не знал, потому что сама она не рассказывала. И лишь недавно от Левы Гительзона узнал, что "Гриша был хороший хлопец из украинского села"... и что его отец (то есть дед Рены) в гражданскую войну командовал отрядом красных партизан в украинской глубинке. Не отсюда ли (подумалось "в шутку, но всерьез") та "партизанщина", бесшабашность, которая иной раз в бушевала в Ренате? Впрочем, благодаря уточнениям Рениных близких, удалось узнать, что ее папа Грицько Муха — родом из знаменитого села Большие Сорочинцы, что на Миргородщине, а его отец еще в 1905 году принял активное участие в знаменитом Сорочинском восстании, за что и был люто наказан плетьюми (а может, и шомполами?) карателей-казаков. Как бы то ни было, но о Реночке вполне можно сказать словами Козьмы Пруткова, что "в детище смешались две натуры", две стихии народного юмора: еврейско-

одесская и украинско-гоголевская: превосходная заправка для ее великолепного юмора!

В конце 50-х Рената стала вести на молодом, делающем первые шаги харьковском телевидении уроки английского и быстро приобрела популярность в городе. Окруженная множеством еще прежних поклонников, она долго не выходила замуж, как вдруг разыгралась история, ставшая источником пересудов городских кумушек в лице так называемой "общественности": у Рены возник серьезный роман с наблюдавшим ее в больнице известным профессором-терапевтом. Он был женат (правда, бездетен)... Ситуация завершилась его уходом от жены, однако стражи морали не могли с этим смириться — Ренату, к тому времени работавшую уже на кафедре госуниверситета, вызвал для "беседы" некий профсоюзный душеспасатель... Далее передаю тогдашний рассказ Мухи группе близких друзей:

— ... а я уже к тому времени донашивала нашего Митю. И вот вхожу в кабинет, куда гораздо раньше меня является вот это... (Рена картинно обрисовала продиктованные обстоятельства тогдашние размеры своего живота.) Хозяин кабинета, взглянув на меня, спрашивает:

— Говорят, вы беременны?

— Нет, что вы?! — возразила я.

— Ну, вот и хорошо! — с облегчением сказал хозяин кабинета.

Без комментариев!!!

Совместная ее жизнь с отцом ребенка не была, однако, долгой: профессор вернулся к жене. Не станем уподобляться морализаторам из месткомов, но отметим лишь, что сложнейшую личную драму ее участники перенесли (насколько знаю) на диво достойно. Они сохранили на долгие годы нормальные человеческие взаимоотношения, а женщины постепенно даже подружились.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, не слишком долго Рената оставалась одинокой. В гостеприимном доме Бейдеров-Сазоновых (Света Сазонова, жена Фимы, — мне двоюродная сестра) был принят как близкий друг известный харьковский математик профессор Юрий Ильич Любич. Вместе с ним приходил его двоюродный брат Вадим — стройный молодой человек, тоже математик. Помню, как под звуки радиолы он и Рена беззаветно отплясывали чарльстон... Мне тогда уже подумалось: какая чудесная пара! Прошло какое-то время, и они поженились. У них родился ребенок — второй сын Ренаты.

Прошло много лет. Оба сына выросли, обоих она и Вадим не раз вмес-

те по-родительски проводывали: Митю — в Харькове, Алешу — в Штатах. А сыновья гостили у них в Беэр-Шеве.

Лично я обязан покойной тем, что моя СЕМЬ лет пролежавшая в харьковском издательстве, набранная, сверстанная, уже готовая к печати книга "О Борисе Чичибабине и его времени" все-таки увидела свет. Именно Рената смогла переубедить единственного человека, чье авторитетнейшее отрицательное мнение об этой книге мешало издателю дать последнее "добро" на выпуск. А я не был в состоянии переделать собственную память и переписать собственные мемуары в соответствии с пусть авторитетными, но не своими желаниями. Положение казалось безвыходным. Книгу спасла Рената. Она нашла такие слова, которые убедили противника книги в том, что она будет способствовать укреплению памяти поэта, усилению интереса к его творчеству. Не мне судить, но многие говорят, что так и вышло.

И супруги Ткаченко, Рена и Вадим, без моей просьбы, просто в порыве дружеского чувства и понимания, привезли мне из Харькова первые десять экземпляров той моей книги! А из другой своей поездки туда же — книгу следующую, вышедшую там же, — и тоже не одну-две, а — десяток.

Все, кто видел и слышал выступления Ренаты — неважно, живую или по радио и ТВ, — обычно в восторге от ее изящества, остроумия, обаяния, таланта, естественности и простоты. А ведь много лет, даже еще до прибытия в середине 90-х на жительство в Израиль, она страдала от тяжелейшей болезни — причины и последствия целой череды операций. Несколько лет назад уже здесь перенесла еще одну, после которой даже сами врачи удивлялись, что она выжила. И ОБ ЭТОМ ОНА МНЕ С ЮМОРОМ (!) РАССКАЗАЛА ПО ТЕЛЕФОНУ! Не знаю, как точнее назвать эту черту ее личности: женственное мужество — или мужественная женственность? Бабы обоего пола, готовые раскиснуть от малейшего дискомфорта, — берите пример с этой дивной малышки!

Мне остается лишь рассказать, как закончилась наша встреча в Афуле. Тогда, прочитав по памяти в зале здешнего матнаса Бейт-Познак строчки из моего полудетского "Первого послания к Мухе", в том числе и те, где содержалось такое "пророчество": "Ты станешь старою калошей, я стану старым сапогом", — она в итоге вечера подарила мне свою книжку "Гиппопоэма" с такой надписью: "Дорогому старому сапогу от старой калоши. Р. Муха, 5. 10. 2001 г.". Я ответил ей мадригалом: "Третье послание Мухе":

Как сладко на сердце стало
от антитезы такой:
сапог я хотя и старый,
а все-таки — дорогой!
Но вот что всего дороже:
хоть нынче не та пора —
не дешева и калоша,
а главное — не стара!
Пусть в обуви и одежде
иная мода теперь —
Калошенька! Ты, как прежде,
хорошенькая, поверь!
Не смяли нас годы, не сплющили,
и — пусть не в гладь и не в тишь, —
но я, Бог даст, поскриплю еще,
а ты еще поблестишь!

6.10.2001

Сейчас, когда ее не стало, утешаюсь хотя бы тем, что оказался прав: еще несколько лет, вплоть до совсем недавнего времени, она находила в себе силы радовать тысячи людей своим метким и точным словом, изобретательной рифмой, обаятельным юмором, захватывающим рассказом... Удалось ли мне хотя бы лишь "проскрипеть" о ней в этом несовершенном очерке воспоминаний? Но живут и блистают ее смешные и оригинальные стихи, в которых жизнь ее души продолжается для новых поколений.

Имя *Рената* в переводе с латыни означает "*Возрождающаяся*".
Да сбудется вновь и вновь!..

Мемуарный очерк был напечатан 1 октября 2009 г. в литературном еженедельнике "Окна" — приложении к тель-авивской газете "Вести".
Текст настоящей публикации несколько дополнен автором.

Публикация Татьяны АБРАМОВОЙ
Днепропетровск

